

**АВТОР И ГЕРОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
И.С. ШМЕЛЕВА *ЛЕТО ГОСПОДНЕ*
(статья вторая¹)**

Татьяна Филат

ORCID: 0000-0002-9360-895X

ГУ Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины
Днепр, Украина
k-yaz@yandex.ru

Ключевые слова: *автобиографическая наррация, идиллический хронотоп, авторская концепция мира, интертекстуальность, творческая индивидуальность*

Одной из важных особенностей воплощения авторского слова и слова героя является автобиографическая наррация повести *Лето Господне*. Помимо общей специфики структуры автобиографического повествования, в шмелевском произведении ярко выступает его творческая индивидуальность: реализация соотношения поля слова автора с образом автобиографического героя-повествователя. Автор видит в своем автобиографическом герое себя в прошлом как «Другого», по терминологии П. Рикера [Рикер 1991: 49-50], находящегося в ином хронотопе. Этот «я» как «Другой», разделенный пространством-временем, ведет основное повествование. Данное соотношение отчетливо зафиксировано в одном из самых пространственных авторских отступлений, которых не так много в нарративной структуре повествования. В нем речь идет об «яблочке», саде, дворе, дважды возникает временное наречие «теперь», подразумевающее противопоставление (наречие «тогда»), вводятся глаголы «вспомнишь» и «увидишь» [Шмелев 2010: 110-111]. Использует И.С. Шмелев и еще в одном авторском отступлении (о Покрове) глаголы «слышу», «вижу», но сразу же отмечает,

¹ Первая статья намечает общую современную литературоведческую ситуацию решения проблемы «автор – герой», излагает методологические основания анализа этой проблемы в *Лете Господнем*, предлагает краткий обзор состояния решения проблемы «автор – герой» у исследователей И. Шмелева, а также в ней рассматривается своеобразие заготовочного комплекса и отдельных аспектов соотношения автора и героя в тексте произведения.

что это дается «из дали лет». Автор подчеркивает темпоральную дистанцию, присущую воспоминанию. «Эго» Шмелева как центр личностного мировосприятия, отданное ребенку-повествователю, задает границы мира, которые имеют точный топоним обитания – Замоскворечье. Это пространство героя, и в то же время Замоскворечье выступает как репрезентант России для автора. При этом возникает почти идиллический хронотоп, данный в восприятии героя и обобщенный в концепции-оценке автора.

Лето Господне построено как персонифицированное повествование от первого лица, которое Т.Ф. Приходько считает «одним из способов реализации авторской позиции в художественном произведении...» [Приходько 1978: 575-577]. Шмелев наделяет субъекта речи статусом автобиографического героя, отдаленного от автора произведения временной дистанцией, детской психологией, «детской пространственно-временной и оценочной точкой зрения» [Николина 2002: 185]. Так же создается стилизованный «детский сказ» [Николина 2002: 186], где доминируют разговорная речь, экспрессивные двухкомпонентные единицы («грибы – ягоды», «кресты – медальки», «скрип – хруст», «синют – белеют» и др.), которые Н.А. Николина считает характерными для народно-поэтической речи [Николина 2002: 187]. Но при всех формах объективизации героя в шмелевской повести (этого не отмечает Н.А. Николина) существует особая «автопортретная» биографическая близость рассказчика и автора, присутствующая в семантико-структурной организации повествующего «я».

В автобиографическом тексте *Лета Господня* автор не предстает непосредственно, как, например, в *Былом и думах* А.И. Герцена (1861-1866), где автобиографическое «я» повествует, помнит, видит, размышляет и говорит. Создатель произведения основную наррацию передает своему автобиографическому герою, отделенному от автора временной дистанцией, данному в настоящем времени. Для автора-создателя его визуальные восприятия героя являются «внутренним зрением» авторской памяти. При такой организации наррации совершенно закономерно редкое употребление в тексте *Лета Господня* одного из ключевых слов автобиографической прозы – «помню» (оно присутствует в редких отступлениях «от автора»). Доминирует слово «вижу», отданное герою в синхронизированном повествовании. Но сродство этого «вижу» героя и автора, где проявляются и цветное видение мира, и точная фиксация предметности, и подчеркнутая эмоциональность, отчетливо проступает при сравнении достаточно пространного авторского отступления о «яблочке», саде, дворе [Шмелев 2010: 110-111] с дескрипциями отца героя и автора, а также с описанием арбуза. Еще более ярко сходство между описанием пасхального натюрморта в письме И. Шмелева к А.И. Ильину [Бокова 2010: 16] проявляется в аналогичной дескрипции пасхального стола героем-нарратором *Лета Господня*. В этом совпадении проступает автобиографическая природа героя-повествователя, предполагающая близость к мировосприятию автора. В повести *Лето Господне* автобиографический герой выступает обозревателем действительности, а автор воссоздает психологию восприятия ребенком этой праздничной пасхальной действительности и в то же время воплощает важную сторону идилличности православного быта своей семьи («пиршественные об-

разы», как известно, – характерная черта идиллии [Бахтин 1979: 377]). Собственно шмелевское эпистолярное описание пасхальных яств объединяет с аналогичным местом романной наррации принадлежащая автобиографическому герою не только общая манера точного видения предметно-бытовой действительности, но и сходство с эмотивным полем восприятия ребенка – «светлый мир» [Макаров 2005: 51]. По терминологии В.П. Белянина, доминирование «светлого», «красивого» в «психолингвистической диагностике» свидетельствует об уникальности, неповторимости текста и

<...> может быть сведено к двум следующим мыслям. Первая: «Все живое уникально, неповторимо и самоценно». Вторая: «“Я” знаю истину и несу свое понимание жизни другим людям». В основе мира «светлых» текстов лежит описание мира личности и того природного и бытового мира, который окружает эту личность. «Я» выступает как субъект жизнедеятельности и получает следующие предикаты: «честный», «чистый», «неповторимый», «уникальный» [Белянин 2000: 77].

В произведении И. Шмелева очень ярко и последовательно проявляются приведенные В.П. Беляниным особенности. Концепции, оценки мира героем на конкретном отрезке его жизни (до смерти отца) определены автором в заглавиях первых двух частей повести – *Праздники* и *Радости* (названия – всегда носители авторского слова самоинтерпретации).

Главным фокализатором (термин ввел М. Баль [1997: 142-166], подхватил Ж. Женетт [1998: 204-223]), тем персонажем, глазами которого дается восприятие «предметного смыслового мира», по выражению М.М. Бахтина [Бахтин 1979: 76], в *Лете Господнем* является автобиографический герой-повествователь – семилетний Ваня – ребенок из православной семьи (имя героя совпадает с именем автора). Он изображен в постижении «праздничного мира», подчиненного церковному календарю в первых двух частях, и восприятию таинства смерти – в финальной части (*Скорби*), где речь идет о болезни и смерти отца. Этому герою-повествователю дано право «видеть» и «говорить» [Женетт 1998: 201-202], и при этом его «точка зрения» в определенной мере (видение предметного мира) совмещается с авторской концепцией мира и человека (в отборе, видении, оценках), где превалирует идиллическая окраска. «Внутренняя фокализация» [Женетт 1998: 206], «точка зрения» на смысл происходящего принадлежат автору, который создает очень важное, адресованное читателю не просто вербальное, а скрыто-семантическое толкование смысла увиденного автобиографическим героем-повествователем. Во всем этом присутствует авторская этико-философская концепция мировидения как в масштабах всего произведения, так и в отдельных компонентах его поэтики, не только в особенностях жанра, но и в системе архетипов, символов, мифопоэтических элементов, фреймов.

В автобиографическом произведении «точка отсчета на временной оси резко смещена в прошлое повествователя – в его детство» [Николина 2002: 185]. Но И.С. Шмелев, нарушая традиции русской автобиографической повести, начинает повествование не с первых воспоминаний детства, как в русской повес-

ти XIX века [Николина 2002: 260], а заставляет своего автобиографического героя, носящего его имя, что уже идентифицирует его с автором, Иваном Шмелевым, начать повествование с *Великого поста*, как названа глава, с *Чистого понедельника*, как названа подглава [Шмелев 2010: 23-32]. Таким образом, И. Шмелев берет за основу наррации не автобиографическую временную последовательность, а опирается на календарность православных праздников как наиболее существенный фактор, влияющий на мировосприятие его героя. При этом начало повествования, как верно полагают, связано с акцентацией одной из важных тем *Лета Господня* – темы покаяния [Макаров 2005: 48]. Она выступает не в «архитектоническом, семантическом, предметно-стилистическом, лексическом» уровнях [Грихонина 2005: 372], а как точка отсчета повествования скорее о духовной автобиографии героя, чем жизненно-бытовой. От этого начала идет темпоральный отсчет наррации произведения. Учитывая названия и содержания фрагментов, составляющих первую часть текста *Лета Господня*, названную *Радостями*, можно сказать: авторская оценка как эмоционально позитивное зрение, где перечислены наименования великих православных праздников, создает опорные пункты композиции произведения (композиция – скрытое поле автора-творца). Возникает темпоральная ось, имеющая устойчивую точку отсчета, которая смещена в реальное прошлое, но не в биографию автора, а «биографию» православных праздников, трактуемых в наррации настоящим временем. И эта ось составляет не только фактографическую биографию героя-повествователя как духовную основу формирования личности автобиографического героя, а и «биографию» православных церковных праздников, отмечаемых семьей И. Шмелева и близкими ему людьми. Такая наррация, структура, композиция, отсчет времени решительно отличают *Лето Господне* от повестей о детстве, изученных Н.А. Николиной [Николина 2002: 193], свидетельствуя об авторской трансформации важных компонентов сложившегося до него жанра. В этом проявляется авторская индивидуальность, что зафиксировано в заглавии.

Заглавия глав и подглав первых двух частей повести – а ее трехчастная композиция проблемно значима и свидетельствует об авторском «членении художественного текста» [Квятковский 1984: 78-94] *Лета Господня* как формы авторского присутствия – представляют собой в подавляющем большинстве названия православных праздников, а в третьей части – *Скорби*, – где речь идет о смерти отца, фигурируют заглавия, называющие церковные ритуалы по отношению к умирающему человеку (*Соборование, Похороны*), что идет в русле шмелевской трактовки мотива «памяти смерти». Эти внутренние заголовки текста коррелируют с общим заглавием повести, с ее трехчастной структурой, которая является формой присутствия автора, создавшего концептуальную семантико-структурную композиционную организацию наррации *Лета Господня*: движение от *Праздников* через *Радости* к *Скорбям*, где скрыта мысль о неизбежности конца того светлого мира, который обрисован в *Лете Господнем* с его финальной ситуацией смерти и похорон отца. Герой же предстает наблюдателем и участником описанных событий, не поднимаясь, что мотивировано его возрастом, до этико-философского осмысления происходящего, которое отдано автору. Этико-философский смысл трехчастности *Лета Господня* непо-

средственным образом связан с православными воззрениями И.С. Шмелева – создателя повести.

О роли православия для творческого сознания И.С. Шмелева, которое выступает созидательным началом не только на концептуальном уровне всего произведения *Лето Господня*, но и отдельных компонентов поэтики произведения (образы, хронотоп, мотивы, интертекстуальный слой цитат и т.д.), писали многие исследователи. Автобиографический герой повести дан в процессе формирования его православного мировосприятия без углубленного постижения концептуальных основ этого верования. Таким образом, между мировосприятием автора *Лето Господня* и его автобиографического героя лежит дистанция, психологически мотивированная возрастом героя-нарратора. В контексте данной работы важно подчеркнуть, что автор присутствует, как верно полагает В. Тюпа, в «манере мышления», «менталитете», феномене «смысла жизни» [Тюпа 1985: 26], идущих в русле православных представлений и идеалов особой модели мира своего детства, где выступает своеобразный хронотоп «благого места». Это не пасторальный природный *locus amoenus*, а географически реальный хронотоп – Замоскворечье – как особое идеализированное городское пространство. Автор рисует путь познания своего автобиографического героя православной концепции мира и человека. При этом личностное эстетическое отношение автора к этому миру совпадает с познающим православные ценности автобиографическим героем-повествователем – Ваней Шмелевым. Существует и временная дистанция между автором и автобиографическим героем, отделяя-объединяя «познавшего» (автор) от «познающего» (герой). Проектируя себя в прошлое, автор сближает свою «точку зрения», свое мировидение, мироощущение, миропонимание с героем-повествователем как героем автобиографическим, данным в процессе постижения окружающего мира и, главным образом, ценностей православных праздников. За этим стоит шмелевское творческое умение видеть, понимать и воссоздавать себя в пространственно-временном контексте определенного периода своей жизни (в другой тональности этот принцип представлен в *Солнце мертвых*).

Соотношение автора и героя в повести *Лето Господне*, ее «образ автора», созданный «первичным» автором, который обрисовал и образ своего автобиографического нарратора, во многом напоминает такое соотношение автора-творца и автора – биографического героя, которое М.М. Бахтин определил как весьма подвижное. В *Лете Господнем*, как и в лирическом произведении, возникает некое «единство авторского сознания», по выражению Л.Я. Гинзбург, «сосредоточенность его в определенном кругу проблем» [Гинзбург 1974: 165] православного восприятия и понимания мира в церковно-календарно-праздничном измерении, сознании. Как и в лирике, это «единство авторского сознания» «облачается устойчивыми чертами – биографическими, сюжетными» [Гинзбург 1974: 160]. При этом, как и в лирике, автобиографический герой *Лето Господня* выступает не только «субъектом», как подчеркивал Б.О. Корман, но и «объектом» произведения [Корман 1977: 11], создаваемого автором. Такое соотношение автора и героя в шмелевской повести формирует ее лирическую тональность, экспрессивность, эмоциональность наррации, где носителем ре-

чи, которая, по утверждению Н.А. Николиной, отмечена стилизацией языка ребенка, является автобиографический герой.

В *Лете Господнем* автор не выступает простым «режиссером», не «исчезает за спиной своего героя», как во многих произведениях XX века [Затонский 1961: 88], а перевоплощается в своего автобиографического героя, являясь его своеобразным прототипом, с одной стороны, и в то же время порою вторгается в «я-повествование» героя прямым авторским словом (отступления), а главное, выступает автором художественного целого своего творения (М. Бахтин), концептуального мифопоэтического слоя, адресованного читателю, насыщенного фрагментами, архетипами, мифологемами, символами, сакральными фреймами, за которыми стоит «архетипическая память» автора-творца.

Автор создает модель бытия героя, упорядоченный, гармоничный мир, представляет целостную, уравновешенную, устойчивую структуру его бытия за счет описания циклического времени православных праздников, традиционности повторяющихся «ритуальных» событий. При этом в подтексте повествования проступает концепция и тональность идиллии. Это не только идиллия детства, но и идиллия быта «святой дореволюционной Руси». Герой не видит этой особенности, он дан в процессе восприятия-познания церковно-православной праздничной модели бытия: автор, по М. Бахтину, «не только видит и знает все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно <...>» [Бахтин 1979: 14]. Аналогичное соответствие отчетливо проступает в *Лете Господнем*, где автор, находясь в эмиграции, осознает идилличность своего прошлого периода жизни и восхищается ею. Такое соотношение миропонимания героя и автора относится и к уже отмеченному выше мифопоэтическому слою повести, о котором рассказывает герой-нарратор, но смысл которого читателю открывает автор. Такой же идейно-художественный принцип многослойного повествования присутствует и в системе «снов» о России [Демкина 2004: 135-138], и в «сказке» о ней [Нечаенко 2006: 308-322]. Думается, что точнее стоит говорить об идиллии в *Лете Господнем*, которую создает И. Шмелев, продолжая традиции этого жанра русской классической прозы (например, *Старосветские помещики* Н. Гоголя, «сон» Обломова в *Обломове* И. Гончарова), обогащая её семейно-духовно-православной основой идилличности.

В повести возникает «идеализация православных начал русской жизни» [Подвигина 2006: 306], главным образом, через авторский набор описаний традиционных ритуальных обрядов и их экспрессивно-эмоциональную авторскую окраску. Подобная художественная интерпретация создается и через фрейм глубоко «светлого» ритуала – именины отца [Шмелев 2010: 220-248]. В этих фрагментах наррации повести превалируют характерные для идиллии пиршественные образы, описания яств и атмосферы любви и доброжелательности. В третьей части мироощущение героя-нарратора изменяется, что определено в названии (оценочное поле автора) – *Скорби* [Шмелев 2010: 356]. Сакральные и «светские» фреймы своеобразно переплетаются в описании болезни и смерти отца. Система фреймов *Лета Господня* особенно ярко репрезентирует одно

из своеобразий текстообразования у И. Шмелева и служит формой создания «образа автора».

Не меньшую роль играет и широкий слой интертекстуальности, где доминируют цитаты из разножанровых религиозных источников, указанные комментатором В. Боковой [Шмелев 2010: 806-824]. Это Священное Писание, творения отцов Церкви, молитвы, тропари, стихиры, псалмы, литургические мотивы, обилие православных концептов и лексики, которые репрезентируют духовные формы проявления православия как важные составляющие незабываемой ткани русского быта, по характеристике И.А. Ильина [Ильин 1991: 181]. Герой-рассказчик приводит эти цитаты, фрагменты православной ритуальной вербальности, а автор в подтексте заставляет читателя увидеть важный фактор формирования православной духовности своего автобиографического героя. Сродство (но не тождество!) автора и автобиографического героя как «я-тогда» и «я-теперь» имеет в основании темпорально-возрастную дистанцию, характерную для природы отношений автора и автобиографического героя в наррации воспоминаний. В интертекстуальном слое повести также присутствуют цитаты (чаще всего без атрибуции), включены литературные отрывки из произведений А.С. Пушкина, А.К. Толстого, В.А. Жуковского, аллюзии (*Ледяной дом* И.И. Лажечникова), реминисценции, которые часто формируют особую прозомеричность *Лета Господня*, где включены стихотворные вставки разных объемов. Эти включения, за которыми стоит автор, преобладают в первой части, довольно многочисленны во второй, резко сокращаются в третьей: стихотворные вставки усиливают позитивное лирическое эмоционально-экспрессивное начало наррации в проблемно-тематическом сочетании в передаче «праздников» и «радостей».

А в третьей части, названной *Скорби*, где повествование идет в печально-трагическом эмотивном ключе, такие вставки сокращены и носят иной семантический и эмоциональный характер. Интертекстуальность *Лета Господня* явно нуждается в специальном исследовании. Но и предварительно можно сказать, что наряду с ролью памяти православия, пронизывающей творческое сознание, менталитет Шмелева, в тексте создается картина не только бытового православия, что обычно подчеркивают, но и мир духовных ценностей, представленный прежде всего православными сакральными текстами. Все эти компоненты участвуют в создании «образа автора» *Лета Господня*: Шмелева-писателя и Шмелева-человека. Этот слой повествования также важен для понимания специфики автобиографического героя, данного в процессе постижения сакральной православной литературы, ритуальности праздников и православного быта. В этом восприятии автор и герой соотносимы как «познавший» и «познающий» духовный русский православный мир, сложившийся в купеческой среде Замоскворечья как репрезентант всей православной России. Для этого в повести реализуются и православная мифопоэтика, и архетипы, и фреймы, имеющие важную смыслообразующую функцию в концептуальном поле повести.

В *Лете Господнем* И. Шмелев создает весьма своеобразный хронотоп, где время – год как цикл православных праздников, а локус места – замоскворецкий дом и двор купеческой семьи Шмелевых. В соотношении этого конкретного

локуса и циклической темпоральности заявлено художественное обобщение автора, где экземплицидность (примерность) описанного распространяется на всю дореволюционную православную Россию. За летом Господним, заявленным в заглавии, как циклом православных праздников, стоит целостная концепция мира, столь присущая неомифологизму XX века. И.С. Шмелев идет в русле тенденции увеличения роли архетипов в автобиографической прозе XX века [Николина 2002: 381], как и мифологем [Николина 2002: 380], особенно «личных». Шмелевская модель сформирована творческим сознанием автора, ориентирована на православную мифопоэтическую модель года как систему православных праздников, которые эмоционально напряженно воспринимает и познает ребенок – герой-повествователь. Он живет и познает прежде всего отчий дом, его обитателей и работников, а И. Шмелев создает мифопоэтический образ Замоскворечья, тесно соотнесенный с мифологемой *Лета Господня*. Шмелевское Замоскворечье трактуется как особое «благое место», но не пасторализированное, а «православизированное», если можно так сказать, урбанистическое [Новиков 2006: 353-362; Гуминский 2003: 29-41]. В повести встречаются и символично-мифологизированные образы весны, которые присущи традиционной идиллической пасторали (*Мартовская капель*), света (важный лейтмотив *Лета Господня*, заявленный уже в первой фразе произведения), солнца и др. Есть у И.С. Шмелева и возвращение к «архетипической памяти» [Эсалнек 1999: 534], акцентация внимания на универсальных архетипах («самость», отец, отчий дом, мудрый старец Горкин и др.). В повести встречается и реинтерпретация архаического национального сознания, вобравшего в себя элементы народно-мифологических представлений, реализованных в описании сакрализованных праздничных обрядов, ритуалов, за которыми стоят определенные символические смыслы (рождение, смерть, воскресение, покаяние). Они создают, как считает Т.С. Мейзерская, «авторскую <...> индивидуальную мифологию» [Мейзерская 1997: 34], и запрограммированы в устойчивой, традиционной семантике этих праздников (Рождество, Пасха, Троица и др.). В *Лете Господнем* описаны ритуалы как своеобразные архетипы, по Г.-К. Юнгу [Юнг 1999: 143]: крестный ход [Шмелев 2010: 197-220], говенье [Шмелев 2010: 3-3-314], благословение детей [Шмелев 2010: 416], соборование [Шмелев 2010: 420-432], похороны [Шмелев 2010: 443-452].

Эти архетипы и мифологемы порождены мифопоэтической, исторической и идеализирующей рефлексией автора *Лета Господня*. Весь мифопоэтический слой этого произведения создает «фиктивную» версию мира, характерную для раннего модернизма [Полищук 2002: 11-12]. И типы праздников [Мартынова 2003: 81,83-84,86-87], и их отношение к русской культуре [Топоров 1995: 441-442], а также их «иконографичность», отмеченная А.В. Макаровым [Макаров 2005: 51], имеют архетипическо-православное основание. Особую роль играет в автобиографической повести И.С. Шмелева архетип «самости», выделенный Юнгом, как идентифицирующее начало, которое таит в себе «принцип определить себя в этом мире» [Юнг 1999: 380], что осуществляют в повести и автор, и герой, данные в процессе познания мира, имеющего под собой архетип начального этапа инициации. Если герой представлен в условно-синхронном вос-

приятий и познании мира, то автору отдано ретроспективно-аналитическое его постижение-понимание. Архетипы позволяют увидеть, как пишет А.Я. Эсалнек, прежде всего преемственность в жизни человеческого рода, неразрывную связь времен, сохранение памяти о прошлом [Эсалнек 1999: 36] – концепция, которая особенно привлекала И.С. Шмелева и реализовалась в *Лете Господнем*. Эта концепция придает повести этико-философское звучание. Поэтика архетипичности позволяет автору *Лета Господня* утвердить круг важных для него идей, яркость, красоту древних народно-православных традиций церковных праздников в кругу семьи как этическую и эстетическую ценность, как проявление вечной памяти народной, к которой прибывает шмелевский автобиографический герой. И. Шмелёв создает своеобразную художественную систему соотношения не только автора и автобиографического героя, но и некоего посредника между ними: это мудрый старец Горкин, наставник и интерпретатор для героя-нарратора смысла православных праздников, православия в целом.

Поэтика архетипов в *Лете Господнем* несет на себе отчетливую печать авторской концептуальности и творческой индивидуальности, идет в русле увлечения архетипами в художественном сознании XX столетия. Текст повести *Лета Господня* как реализация воспоминаний, памяти насыщен фреймами, т.е. «моделями ситуаций в памяти» [Макаров 2005: 46-54], которые в первых двух частях – *Праздники* [Шмелев 2010: 23-174], *Радости* [Шмелев 2010: 175-355] – передают традиционно сложившуюся в русском православии «ситуацию» разных церковных праздников. Шмелев воссоздает особые традиционно сложившиеся праздничные события-ритуалы, семейные «церемонии», которые ему подсказывает память, а в синхронном повествовательном времени их наблюдает и участвует в них автобиографический герой-повествователь, который обретает их смысл благодаря интерпретации народного мудреца Горкина.

Если называть формы авторского присутствия в тексте повести, то это прямое «авторское слово» в «заголовочном комплексе», авторские отступления в тексте, т.е. в основном традиционные формы присутствия автора, который не является ни демиургом, ни медиумом, ни скриптором, не ведет «игру» ни с героем, ни с читателем, как это будет модно в постмодернизме. Его скорее можно назвать своеобразным мифотворцем, склонным к мифопоэтическому мышлению, создающим своеобразный миф о православном быте и духовности Замоскворечья своего детства. Художественный мир *Лета Господня*, созданный и структурированный удивительной и идеализирующей памятью писателя, обращен к жанру автобиографической повести о детстве. Он творчески трансформирован, сформирован на основе индивидуальной психологии творчества (роль антинормальности в отношениях «реальность – произведение»), религиозно-православного менталитета, творческого сознания, формирующего хронотоп *Лета Господня*, и сознания эстетического, вобравшего в себя гуманистические и патриотические традиции русской классической прозы XIX века с ее вниманием к человеку, к описанию быта [Николина 2002: 146], этико-философским проблемам и приобщившегося к ряду авангардистских веяний литературы XX века.

И.С. Шмелев создает в повести *Лето Господне* выразительный портрет себя в детстве, передавая напряженно-эмоциональный процесс познания мира

ребенком сквозь призму православного быта, ритуалов, обычаев своим автобиографическим героем, который, несмотря на временную дистанцию между автором-творцом и созданным им героем, биографически и духовно близок ему на основе их соответствующей диспозиции как «познавший» и «познающий» мир в его духовно-православных параметрах.

Библиография

- Bal M., 1997, *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*, Toronto.
- Бахтин М.М., 1979, *Автор и герой в эстетической деятельности*, [в:] его же, *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Белянин В.П., 2000, *Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе*, Москва.
- Бокова В., 2010, *Просто Иван Шмелев*, [в:] И.С. Шмелев, *Лето Господне. Рассказы*, Москва.
- Гинзбург Л.Я., 1974, *О лирике*, Ленинград.
- Грихонова Н.В., 2005, *Русская идея в творчестве И. Шмелева*, [в:] И.С. Шмелев и литературно-эмиграционные процессы XX века. XIV Крымские международные Шмелевские чтения, ред. В.П. Цыганик, Алушта.
- Гуминский В.М., 2003, *Творчество И.С. Шмелева и историко-литературный процесс в России XIX в. (Тема Москвы и Замоскворечья)*, [в:] И.С. Шмелев и духовная культура православия. IX Крымские международные Шмелевские чтения, ред. В.П. Цыганик, Симферополь.
- Демкина С.М., 2004, *Сны о Родине И.С. Шмелева и В.В. Набокова*, [в:] *Творчество И.С. Шмелева в аксиологическом аспекте. XIII Крымские международные Шмелевские чтения*, ред. В.П. Цыганик, Алушта.
- Женетт Ж., 1998, *Повествовательный дискурс*, [в:] его же, *Фигуры: в 2 т., т. 2*, пер. Е. Васильева, Е. Галыдовая, Е. Гречаная и др., Москва.
- Затонский Д., *Век двадцатый: заметки о литературной форме на Западе*, Киев 1961.
- Ильин И.А., *О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин, Ремизов, Шмелев*, Москва 1991.
- Квятковский В.А., 1984, *Актуальное членение как особенность композиции художественного текста*, [в:] *Лингвистика текста: материалы научной конференции*, ч. 1, Москва.
- Корман Б.О., 1977, *Практикум по изучению художественного произведения. Учебное пособие*, Ижевск.
- Макаров Д.В., 2005, *Православная традиция мировосприятия в русском слове (Лето Господне И.С. Шмелева)*, [в:] И.С. Шмелев и литературно-эмиграционные процессы XX века. XIV Крымские международные Шмелевские чтения, ред. В.П. Цыганик, Алушта.
- Мартынова С.А., 2003, *Типы праведников в произведениях И.С.Шмелева (Неупиваемая чаша, Лето Господне, Богомолье, Няня из Москвы)* [в:] И.С.Шмелев и духовная культура православия. IX Крымские международные Шмелевские чтения, ред. В.П. Цыганик, Симферополь.
- Мейзерська Т., 1997, *Проблеми індивідуальної міфології: міфотворчість Шевченка*, Одеса.

- Нечаенко Д.А., *Сказка о России: духоводительные видения и сны в романе И.С. Шмелева Лето Господне*, [в:] *Наследие И.С. Шмелева: текст, контекст, интертекст. XV Крымские международные Шмелевские чтения*, ред. В.П. Цыганик, Алушта 2006.
- Николина Н.А., 2002, *Поэтика русской автобиографической прозы*, Москва.
- Новиков А.Е., 2006, *И.С.Шмелев и В.А. Гиляровский о старой Москве*, [в:] *Наследие И.С.Шмелева: текст, контекст, интертекст. XV Крымские международные Шмелевские чтения: сборник научных трудов*, Алушта.
- Подвигина Н.Б., 2006, *Концепт «грех» в произведениях И.С.Шмелева Лето Господне*, [в:] *Наследие И.С.Шмелева: текст, контекст, интертекст. XV Крымские международные Шмелевские чтения: сборник научных трудов*, Алушта. Цыганик В.П.
- Поліщук Я., 2002, *Міфологічний горизонт українського модернізму, дис. доктора філол. наук*, Івано-Франківськ.
- Приходько Т., 1978, *Образ рассказчика*, [в:] *Краткая литературная энциклопедия*, т. 9, Москва.
- Рикер П., *Какого рода высказывания о человеке могут предложить философы*, [в:] *О человеческом в человеке*, ред. И.Т. Фролов, Москва 1991.
- Топоров В.Н., 1995, *Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 томах*, т. 1, Москва.
- Тюпа В., 1985, *Категория автора в аспекте исторической поэтики (к постановке проблемы)*, [в:] его же, *Проблема автора в художественной литературе*, Устинов.
- Шмелев И., 2010, *Лето Господне. Рассказы*, Москва.
- Эсалнек А.Я., 1999, *Архетип*, [в:] *Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины*, ред. Л.В. Чернец, Москва.
- Юнг К.-Г., 1999, *Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству*, [в:] *Архетип и символ.*, пер. В.В. Зеленский, Москва.

Summary

The author and the hero in the work of I.S. Shmelyov *Summer of the Lord* (article two)

The second article devoted to the problem of the hero and the author in the novel by I. Shmelyov *Summer of the Lord* analyzes peculiarity of autobiographic character of the literature work. Interrelation of the author and the hero as cognized and cognizing orthodox living of the merchant Shmelyovs family creates peculiar two-layered character of narration. Shmelyov combines portrayal of peculiarities of child psychology of perception of the world with his authorial interpretation as a certain idyll. In the novel chronotopos of creative space of Zamoskvorechie with the past time of Czarist-era Russia is realized.

Key words: *autobiographic character of narration, idyllic chronotopos, authorial world concept, intertextuality, creative manner*

